

ВСТРЕЧИ

ИРИНА
ЧАЙКОВСКАЯ
Бостон

В недавние сентябрьские дни в С-Петербурге, Москве и Орле прошла международная конференция «И. С.Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России»

Подарки - от Тургенева

Спасское-Лутовиново. Музей-заповедник И.С.Тургенева

Осень — время Тургенева. Он родился в Орле 28 октября по новому стилю. Если использовать старый календарь, то и умер он осенью — 3 сентября (по новому — 22 августа). В этом году совпали две «круглые» тургеньевские даты — 190 лет со дня рождения и 125 со дня смерти. И если вычесть одно число из другого, останется голая цифра протяженности его человеческой жизни — всего-то 65 лет!

С середины сентября участники тургеньевской конференции (а только одних докладчиков набралось 143, и приехали они из 24 регионов России и из 10 стран Зарубежья) начали получать «подарки от Тургенева». Не удивительно: Иван Сергеевич был человек добрый и на редкость щедрый. Полине Виардо он подарил, например, дом в Буживале, давал займы Достоевскому (на погашение карточных долгов), ссудил крупную сумму Мишелю Бакунину, хотя и не верил в его фантастические планы объединения всех славян.

Я и мои коллеги получили от Ивана Сергеевича подарки, хотя и не материальные, но необычайно ценные. Судите сами: участие в тургеньевской конференции дало нам возможность побывать в Санкт-Петербурге, где начиналась литературная деятельность писателя, а затем на его родине — в Орле и в родовом имении — Спасском-Лутовинове.

К сожалению, в Петербург мне вырваться не удалось. Зато посещение Орла стало настоящим подарком.

Орел

Просторный, овеваемый степными и речными ветрами город (стоит на слиянии Оки и Орлика), по которому легко и весело ходить — цветными яркими плитками вымощены мостовые. Орловчане — все до одного — с милыми интеллигентными лицами, отвыкнув от них и даже позабыв, что таковые существуют, я останавливалась возле каждой «носительницы» такого лица, чтобы сделать снимок на память. Поздним вечером добираясь пешком через весь город до Государственного Орловского университета, я убедилась, что орловчане прекрасно знают это учреждение, было впечатление, что все они его окончили. Поделилась этим наблюдением с молодой и очень серьезной завкафедрой литературы Марией Владимировной Антоновой — и не встретила возражений. Любопытный потомственный орловчанин, в том числе маленький ребенок (проверено), укажет приезжему местоположение музея имени И.С.Тургенева. Его уникальная экспозиция ныне, увы, недоступна из-за ремонта; но мне повезло — по специальному разрешению меня провела по ней ди-

ректор и хранитель музея маленькая, влюбленная в свое дело Людмила Анатольевна Балыкова. А вообще Орловский государственный литературный музей И.С.Тургенева ведет за собой целый выводок музеев, обозначенных как его филиалы. Само перечисление этих филиалов, может вызвать возглас удивления: это Дом известного историка Тимофея Грановского, Дом-музей Николая Лескова, Дом Леонида Андреева, музей Ивана Бунина и Музей писателей-орловцев. Ничего себе компания! Каждый из этих коренных орловчан оставил заметный след в российской культуре. Огромным музейным хозяйством, то бишь комплексом «Орловский объединенный государственный музей И.С.Тургенева», руководит скромная симпатичная женщина Валентина Викторовна Сафронова. Мне как представительнице Америки было любопытно узнать, что Валентина Викторовна не так давно побывала «на учебе» в Амхерсте, штат Массачусетс, где их — нескольких музейных работников из провинциальных российских городов — целыми днями возили по разнообразным американским музеям, делились опытом.

Спасское-Лутовиново

Простор, простор и еще раз простор. Дали, овраги, леса, купол храма... К сентябрю в саду при тургеньевской усадьбе поспела антоновка — урожай такой, что не видно ветвей. Не случайно автор «Антоновских яблок» Бунин родом был орловчанин. Как не хватает русским за границей этого янтарно-желтого плода, с морозной, хрусткой мякотью, с пронзающей небо кислинкой.

Спасское-Лутовиново не входит в комплекс орловских музеев. Оно обозначено в справочниках как «Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И.С.Тургенева». У него знающий энергичный директор Николай Ильич Левин, при котором музей обустроивается, его посещаемость растет. Главное теперь удержать «тургеньевский дух», не потеснить его в хозяйственном азарте.

Спасское легко сравнивается с Михайловским. Эти два «села» чем-то неумовимо близки, как и их быв-

шие затворники. Пушкин, сосланный царем за «вольные стихи», провел в Михайловском «изгнанником два года незаметных». Почти столько же провел в Спасском опальный Тургенев, отправленный туда уже другим царем за некролог о Гоголе. А потом оба регулярно приезжали в место своего заточения уже будучи «свободными», что-то их сюда тянуло, как в наши дни тянет многочисленных паломников по святым местам русской литературы.

После Санкт-Петербурга и Орла эстафету памяти Тургенева переняла Москва, где заседания проходили под патронажем и на территории Государственного литературного музея, Государственного музея А.С.Пушкина и Библиотеки-читальни имени Тургенева.

Событие получилась масштабное — всего в нем участвовало 1,5 тысячи человек!

Написать обо всем и обо всех не представляется возможным. Хочу представить читателям «Чайки» трех участников (и организаторов) конференции, с которыми мне удалось побеседовать.

Наталья Петровна Генералова, доктор филологических наук, ведущий сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом, С-Петербург).

По моему убеждению, у Натальи Петровны Генераловой фамилия «го-

ворящая»: она воистину *генерал* в деле изучения и издания тургеневских материалов, связующее звено между тургеноведами России, Европы и всего остального мира.

— **Наталья Петровна, вы представляете на конференции Пушкинский Дом. Что вы уже подготовили к юбилею Тургенева и что у вас в планах?**

— Мы продолжаем готовить второе академическое издание Полного собрания сочинений и писем Тургенева. Оно не закончено, застряло на 15-м томе, что связано с общим отношением к академическим изданиям. К счастью, что-то в этом году сдвинулось, и мы воспарили. Делаем Тургеневскую энциклопедию, огромную, 200 печатных листов. Вместе с москвичами и орловцами работаем над ней уже 10 лет. Выпускаем тургеневские сборники, а также том «Неизвестный Тургенев».

— **Что может быть неизвестного у писателя, у которого выходит уже второе академическое издание сочинений?**

— Всегда оказывается, что что-то было по одним причинам не включено, что-то по другим. В предпоследний тургеневский том мы решили поместить черновую рукопись «Отцов и детей», подготовительные материалы к «Дыму» и к «Запискам охотника», а также многое другое, например: студенческие сочинения на латинском и немецком языках, конспекты лекций по философии и

культуре, которые И.С. слушал в Берлинском университете. Все это «говорящие рукописи» — с рисунками, пометками, их еще придется расшифровывать.

— **Кто-нибудь скажет: а зачем это нужно?**

— Мы очень мало знаем юного Тургенева. Знаем маститого, но маститый вырос не на пустом месте, что-то его сформировало.

— **В автобиографической книге Дмитрия Лихачева, не последнего человека в истории Пушкинского Дома, рассказывается такой случай: Борис Викторович Томашевский, встретив Дмитрия Сергеевича в грязной уборной сего учреждения, воскликнул: «Вот единственное место в Пушкинском Доме, где легко дышится». Увы, руководили этим святым местом часто мошенники и невежды, не имеющие отношения к науке. Что сейчас? Как у вас с атмосферой? Слышала, что у вас новый директор.**

— Да, новый, Всеволод Евгеньевич Багно. Молодой, активный и, к счастью, ученик академика Алексева. Надеюсь на его помощь и в издании собрания сочинений Тургенева, и в отстаивании самой идеи академических изданий. Сейчас некоторые, даже внутри Пушкинского Дома, считают, что они не нужны. Конечно, это страшный, каторжный труд, опирающийся в основном на энтузиазм. Но он необходим для культуры.

— **Это работа на будущее — что в физике, что в литературе... Так что держитесь! У меня к вам очень важный лично для меня вопрос. Я пишу сейчас о Тургеневе и его окружении и сталкиваюсь с катастрофической нехваткой писем. Ну, положим, письма Некрасова к Панаевой уничтожены самой Авдотьей Яковлевной, как и ее собственные. Но переписка Тургенева и Виардо... В какой мере она сохранилась? В каком объеме будет издана на русском языке?**

— Наше второе академическое издание как раз и затевалось, чтобы в него вошли абсолютно все письма Тургенева.

— **Нужно было чтобы прошло 125 лет со дня кончины писателя, чтобы мы наконец добрались до писем Тургенева к Виардо!**

Орел

— Что касается писем Полины, к сожалению, их сохранилось очень мало.

— **В чем причина?**

— Это, вероятно, была просьба самой Полины, которую Тургенев выполнил. Или, если он не выполнил, то она сама их уничтожила.

— **Не хотела гласности?**

— Конечно. Осталось всего 20 ее писем. Они были опубликованы во Франции Александром Яковлевичем Звигильским. На русском эти письма публиковались в сборнике «Тургенев в воспоминаниях современников» (1988 год) в качестве приложения.

— **Вот с кем нужно водить дружбу — со знатоком библиографии! Согласитесь, что название этой книжки совсем не предполагает, что мы найдем в ней письма гениальной французской певицы к русскому классику.**

— Пришло время опубликовать всю переписку Тургенева с семьей Виардо: с Полиной, ее мужем Луи, их дочерью Клоди, любимицей Ивана Сергеевича, а также их ответные письма.

— **Слава Богу, что это время наконец пришло!**

— Но это не значит, что загадка их отношений разъяснится. Над нею будут думать всегда.

Татьяна Евгеньевна Коробкина, директор библиотеки имени Тургенева, Москва.

С Татьяной Евгеньевной читатели нашего журнала уже знакомы.¹ По моим наблюдениям, если бы не было этой женщины, этого «московского мотора», тургеневский воз был бы сами понимаете где...

В просторный и светлый кабинет директора, где Татьяна Евгеньевна переводила дух после многочасовой конференции, я вошла после посещения выставки «Смешного бояться — правды не любить», подготовленной Тургеневской библиотекой.

— **Татьяна Евгеньевна, знаю, что Тургенев обладал замечательным чувством юмора, любил подшутить — часто над самим собой, и карикатуры сам на себя рисовал... Но все же с ним смех не очень ассоциируется. Что вас привело к идее создания этой выставки?**

— Что привело? «Муму» Турге-

нева, ставшее частью городского фольклора. Мы решили отозваться на «вызовы времени», как сейчас говорят.

— **Раньше были анекдоты про Чапаева и Петьку, а теперь про Герасима и Муму, так?**

— Анекдоты, карикатуры, мультфильмы — интернет полон этими двумя персонажами. Основную часть нашей выставки составляют острые и злободневные карикатуры Андрея Бильжо.

— **То есть это не пошлое ерничанье...**

— Нет-нет. Я очень раздраженно отношусь к ерничанью, когда, например, по ТВ рекламируют колготки и тут же показывают Третьяковскую галерею. Но с Тургеневым получается по-другому. Его персонажи вошли в городской фольклор, а отсюда попали на ТВ. Мы не можем заставить молодежь читать «Записки охотника», но, может быть, она придет к ним через какое-то новое, более ей понятное воплощение тургеневского наследия.

— **Я вспомнила, что в современной итальянской церкви также пытаются привлечь молодежь — поют в храме под гитару, священники ходят со школьниками в походы... Можно по-разному к этому относиться, но цели они достигают. Мне кажется, Тургенев сам бы от души посмеялся над этими песенками про Муму и Герасима, которые звучат сейчас с экрана. Моцарт у Пушкина тоже смеется (в отличие от негодующего Сальери!), когда слышит свою мелодию в исполнении слепого уличного скрипача... Стало быть, произведение вошло в народ. Тургенев-человек, в моем представлении, похож в этом на Пушкина и на Моцарта. А вот, кстати, хотела вас спросить про Тургенева-человека. Появилось что-нибудь новенькое о нем в столь модном сейчас биографическом жанре?**

— К биографиям сейчас действительно большой интерес. Загляните на библиотечные полки — там полно мемуаров, этот жанр процветает. Сейчас в воздухе витает идея издать на русском языке книгу известного славыста, бывшего много лет директором Нью-йоркской Публичной библиотеки Авраама Ярмолинского «Turgenev. The Man, His Art and His Age».

— **Наконец-то! Писала об этой замечательной книге, изданной в 1926 году в Нью-Йорке, естественно, на английском языке, и до сих пор не переведенной². Что ж, если книга, появится на русском, этим можно будет гордиться!**

Честь и хвала тем, кто осуществит этот долгожданный русско-американский проект.

Александр Яковлевич Звигильский, директор музея Тургенева в Буживале (Франция).

За Александром Яковлевичем я гонялась еще в Орле. Увы, догнать его было невозможно. Как и поверить в то, что человеку, участвующему абсолютно во всех заседаниях, обсуждениях, выставках и чаепитиях, 75 лет. Догнала его на открытии выставки в Тургеневской библиотеке в Москве. В шуме и гаме, прижатый к стене, среди спящих посетителей, с куском только что торжественно разрезанного торта в руках (торт особый — с шоколадной Муму в центре!), он рассказывал удивительные вещи...

— **Александр Яковлевич, были у вас предшественники, или вы родоначальник тургеневского музея в Буживале? Когда и как он возник?**

— Предшественников не было. 3 сентября 1983 года ассоциация друзей Тургенева основала этот музей в доме, где жил и скончался Иван Сергеевич. Дом Тургенева в Буживале был в ужасном состоянии, дом Виардо был в еще худшем состоянии. Это вообще целая усадьба. Мэр города, который купил всю территорию — 5,8 гектаров, чтобы устроить на ней спортивную площадку, хотел ликвидировать дома и продать усадьбу. Ему нужна была земля. О Тургеневе он никогда не слышал. Был поставлен мной в известность, на что ответил очень гордо и даже повторил: «Мы купили не для Тургенева». Площадка у них не получилась — им не разрешили резать деревья...

— **Видите, судьба была на вашей стороне.**

— Эта война между нашей ассоциацией и мэрией города, купившей этот кусок земли, продолжается уже 30 лет.

— **Странно. Разве Франция не заинтересована в сохранении куль-**

турного наследия? Тургенев, казалось бы, столько сделал для культуры наших двух стран...

— Власти спохватились только в этом году. Запретили строительство на территории музея. Мало того, хотят сделать в Буживале Музей Франции.

— А сейчас вы частный музей?

— Да.

— И теперь будете Государственным?

годом России во Франции и Франции в России. Ко мне приехал советник Российского посольства по культуре — и первый раз не я просил, а меня просили.

— О чем же?

— Написать, какие у нас в музее будут мероприятия в честь этого события. Я подал целый список.

— Александр Яковлевич, на тургеневской конференции состоялась презентация вашей книги, изданной

к вам очень личный вопрос — о происхождении Полины Виардо. Он темный или даже сознательно затемненный. В научно достоверной книге Авраама Ярмолинского говорится, что происхождение Полины по отцовской линии неизвестно. Жорж Санд, которая, как все знают, писала героиню «Консуэло» с Полины Виардо, настаивает на ее чисто испанском происхождении. Между тем, та же Авдотья Панаева в мемуарах злословит, что «скупость и жадность» обличали еврейские корни французской певицы. Не знаете, отец Полины, Мануэль Гарсиа, случайно не из маранов?⁴

— Именно. Его мать, бабушка Полины, была еврейкой. Ее звали Мариана Агиляр.

Есть целая история, связанная с Вагнером. Вагнер дружил с Полиной Виардо, считал ее гениальной, об ее происхождении не знал. Он попросил Полину «утащить» у мужа экземпляр «Дон Кихота» Сервантеса,⁵ за что обещал прислать одну любопытную вещь.

Она послала Вагнеру роман в переводе мужа, а взамен получила его книгу «Еврейство и музыка». Конечно, ее эта книжка возмутила — Вагнер считал, что евреи не могут быть музыкантами, поскольку у них нет земли.

— Скажите! А Сталин по той же причине не считал их нацией... Значит, Мейербер, Мендельсон, Оффенбах, по Вагнеру, не музыканты?

— Он их ненавидел. Мадам Виардо, по-видимому, ответила ему письмом, разорвавшим их отношения. Я нашел письмо-ответ Вагнера. Знаете, что он пишет? «Я абсолютно не антисемит, мои лучшие друзья евреи».

— Знакомая песня.

— Пишет, что Герман Леви, дирижировавший «Парсифалем», еврей. Герман Леви, кстати, знал об этой переписке Вагнера с Полиной Виардо и написал ей однажды — я нашел это письмо: «Мне интересно знать, как Вагнер отреагировал на то, что ваша бабушка была еврейкой?» Сама Полина прореагировала однозначно: порвала с ним отношения.

Кстати, по отцу она также и цыганка, хотя теперь испанцы не уве-

Слева направо: А.Я. Звигильский — директор музея Тургенева в Буживале (Франция), М.В. Антонова — завкафедрой литературы Государственного Орловского университета, Н.П. Генералова — доктор филологических наук, ведущий сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом, СПб), Т. Е. Коробкина — директор библиотеки имени Тургенева, Москва.

— Под опекой государства. Нам нужны деньги. Они нужны хотя бы для того, чтобы иметь штат. Энтузиастов мы не можем заставлять работать круглый год. Поэтому музей открыт только по воскресеньям. Татьяна Евгеньевна Коробкина прислала нам человека из России³, который у нас работал. Он сам оплачивал свой проезд и проживание. И вот, благодаря только одному человеку, я мог открывать музей четыре дня в неделю в течение двух месяцев! Конечно, я хотел бы, чтобы такое продолжалось круглый год.

— Рада слышать, что Россия вам помогла.

— Россия нам помогает без конца. 2010 год, по согласованию между Путиным и Саркози, объявлен

в России издательством «Русский путь». Она называется «Иван Тургенев и Франция». Судя по оглавлению, в ней содержатся материалы о Полине Виардо и членах ее семьи, а также о французских писателях, друживших с Тургеневым.

В чем новизна этой книги для русского читателя?

— Эти статьи были опубликованы в разные годы во Франции.

— А на русском языке?

— На русском — нет, не публиковались. Поэтому *весь* материал для русского читателя будет новый. Я пишу о связях Тургенева с семьей Виардо и с деятелями французской культуры: Мопассаном, Флобером, Мериме, Мишле, Ренаном, Тэнном...

— Александр Яковлевич, у меня

рены в этом. Говорят, что в Севилье, в том районе, где он родился, не было цыган.

— **Ах, господи! Да залетел какой-нибудь... из другого района.**

— Мануэль Гарсиа был великий певец. В «Вешних водах» Тургенев пишет о нем как о величайшем артисте, помните? А Луи Виардо, студентом с восхищением слушавший его с театральной галерки, потом писал, что не мог подумать, что через несколько лет женится на дочери этого певца.

— **Невероятно! Александр Яковлевич, последний мой вопрос к вам — о письмах. Наталья Петровна Генералова сказала мне, что сохранилось всего 20 писем Полины Виардо к Тургеневу. Почему такая странная пропорция?**

— Она уничтожала письма. В ее руки попало *все* наследие. Она имела в своем распоряжении письма Тургенева и свои.

— **Тогда, слава Богу, что хотя бы тургеневские письма остались в сохранности!**

Напоследок скажу, что конференция, проходившая в течение 10 дней в С-Петербурге, Орле и Москве, задачу свою выполнила: сплотила силы исследователей и музейщиков, родила новые плодотворные идеи и проекты. А еще дала ощущение праздника! И это было еще одним подарком — от Тургенева. ♦

¹ См. мою статью «Московские посиделки». Чайка. № 20, 16-31 окт. 2007

² См. мое интервью с Иосифом Богуславским, работающим над архивом Авраама Ярмолинского. Человек, который раскапывает прошлое. Чайка. № 12, 16-30 июня, 2008

³ Журналист Светлана Истомина

⁴ Мараны — под именем маранов известны те испанские и португальские евреи, которые, во избежание преследований, приняли внешним образом католическую религию.

⁵ Муж Полины Виардо, Луи Виардо, был испанцем, его перевод «Дон Кихота» Сервантеса на французский язык считается образцовым.